

Бужилова А.П.

МГУ имени М.В.Ломоносова, НИИ и Музей антропологии,
125009, ул. Моховая, д. 11, Москва, Россия

АНТРОПОЛОГИЯ В ФОКУСЕ СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ. ЧАСТЬ 2. РАЗВИТИЕ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ НАУКИ

Цикл статей посвящен анализу становления и трансформации антропологии как академической науки. В исследовании использована шкала социального времени, которая позволяет оценить причины преобразований антропологии в зависимости от социальных событий, формирующих вызовы общества в разных странах.

В статье анализируются эпохи развития антропологии и ее основные направления и подходы. Особое внимание уделено этапу становления популяционного подхода в науке, который стал актуален к началу 1970-х годов. Кроме того, дается анализ развития антропологии за последние тридцать лет. В этот период антропология характеризуется широким внедрением смежных дисциплин, которые направлены для решения традиционных задач антропологии. Это явление обсуждается в контексте естественного процесса дифференциации наук. По мнению автора, для сохранения целостности антропологии есть универсальный путь следования основной цели антропологии – интеграции изучения разных граней природы человека. Для внедрения междисциплинарности в последующий этап развития антропологической науки потребуется формирование теоретической основы науки.

Ключевые слова: история науки; антропология; развитие и дифференциация физической антропологии; современные аспекты антропологии

*К юбилею
НИИ и Музея антропологии МГУ*

Введение

Первое столетие развития антропологии объединяет ее в разных странах общим трендом – сбор данных и преодоление научных мифов и казусов о природе человека. Тренд отчетливо читается во всех областях: накопление данных по сравнительной анатомии и морфологии, позволившей обосновать тезис о принадлежности человека к царству животных; сбор данных о разнообразии современного населения поднимает вопросы об отсутствии статических физических и физиологических характеристик человека и пластических механизмах его приспособления к среде; появляются первые типологические расоведческие классификации; накопление палеоантропологических данных и эволюционный подход,

прочно внедрившийся в молодую науку, дают начало долгой дискуссии о механизмах и путях возникновения вида *Homo sapiens*.

Все эти вопросы актуальны и для современной антропологии. Однако на начальном этапе сбор данных проходил, нередко, с методически необоснованными ошибками, непрофессиональным сбором данных. Часто такой «любительский» подход давал повод к ложным интерпретациям. И в отдельных аспектах ученые находились во власти общественного мнения, решая, например, вопросы происхождения и равноценности рас у современного населения. Это эпоха не только формирования антропологии, но и других смежных дисциплин, поэтому отсутствие адекватного исследовательского алгоритма, как и ложные интерпретации скудных начальных данных было «общим местом» в науке XIX века. Неудивительно, что многие сохранившиеся сведения, опубликованные в то время, представляют сегодня лишь историогра-

фический интерес. Справедливости ради отметим, что такой этап развития характерен для любой фундаментальной дисциплины, антропологи в целом преодолели его достаточно быстро. И уже в начале XX века в разных странах начинают появляться статьи, посвященные анализу границ молодой науки, формулированию ее цели и задач; обновляется методический аппарат и даже научный инструментарий (вспомним методическое многотомное руководство Р. Мартина, вышедшее в начале XX века).

Специалисты предлагают авторские определения термина «антропология», не сходясь на одном, который мог бы «звучать» из всех учебников. Основоположник отечественной антропологии Д.Н. Анучин в своей работе «Беглый взгляд на прошлое антропологии и на её задачи ...» писал, что значение антропологии «...как отрасли естествознания, имеющей задачей изучение коллективного человека, во всем разнообразии его типов в пространстве и времени» давно признано антропологами в мире [Анучин, 1900. С. 9]. Суть термина в 1919 г. сумел выразить А. Грдличка, написав в своем знаменитом трактате «Физическая антропология...», что это наука, занимающаяся «в кратчайшей форме изучением изменчивости человека», сконцентрированная на исследовании анатомических и физиологических изменений человека, а также анализом «процессов роста и развития, формированием классификацией разного уровня, последствий действия факторов на телесные и физиологические показатели» [Hrdlicka, 1919. С. 8]. Наши выдающиеся отечественные антропологи в первом учебнике по антропологии советского периода сформировали определение гораздо шире, написав, что «правильнее определять конкретное содержание антропологии, как учение о видовых особенностях и внутривидовых вариациях строения семейства гоминид» [Бунак, Нестурх, Рогинский, 1941. С. 11]. Специалисты в других странах расширяли это понятие с вовлечением целей и задач некоторых смежных наук (этнографии, лингвистики, психологии и археологии), либо давали очень расплывчатое определение антропологии как науке о человеке [Анучин, 1900; Рогинский, Левин, 1978].

Итак, в первое столетие своего развития антропология прошла через этапы первоначальных

научных ответов на вопросы общества о происхождении и разнообразии современного человечества. Благодаря усилиям европейских специалистов в разных странах возникают антропологические школы, которые объединяют людей, позиционирующих себя как антропологов. Они начинают работать по общей методике, собирать первые научные данные и готовить учеников. Появляются методические алгоритмы, главным правилом которых, как в любой академической науке является повторяемость эксперимента (в антропологии – это, преимущественно, результаты измерительных и описательных методик). Накопление оригинальных данных, как и специальный исследовательский аппарат должны решать ряд традиционных задач, направленных на развитие теоретического фундамента новой научной дисциплины.

Таким образом, заглядывая в перечень индикаторов, характеризующих фундаментальную науку, мы видим, что антропология, как и другие академические дисциплины проходит традиционный путь развития. Для многих наук это заканчивается разделением на отдельные направления, а позднее и на отдельные дисциплины. Как это правило работает на примере физической антропологии? Давайте рассмотрим с этой точки зрения последние сто лет ее развития.

Границы антропологии

Границы антропологии определить непросто. Заметим, что обычное перечисление областей исследований не обязательно описывает истинную природу дисциплины. Научные запросы смежных наук, мнение и личные интерпретации в науке так же важны для определения исследовательских границ, как и ее наполнение широкими областями исследования.

Во-первых, физическую антропологию следует рассматривать в более широком антропологическом контексте, т.е. физическая антропология есть лишь один из аспектов более общего знания о человеке. Антропология, слово, означающее буквально «науку о человеке», обозначает весь спектр исследований, касающихся человека. Эта особенность – возможность исследовать любой фактор, даже отдаленно относящийся к задачам физической антропологии, – как преимущество,

так и недостаток для формирования ее научных границ. О таком «неудачном» широком названии науки для определённой узкой области знаний писал в свое время Ф. Энгельс, считая, что ее главная задача обеспечивать «переход от морфологии и физиологии человека, и его рас к истории» [Рогинский, Левин, 1978. С. 6].

Возвращаясь к широкой трактовке термина «антропология» и тому наполнению, что в него вкладывали основоположники молодой науки, мы видим неизбежность ее стремительной дифференциации на отдельные научные дисциплины уже в самом начале пути. Напомним, что антрополог в XIX – начале XX века мог выбрать разные отрасли исследования. Например, изучение современных культур у традиционных народов. Такое изыскание могло быть сосредоточено на изучении родства, религии, экономики, состава семьи и множества других тем. Или антрополог мог изучать языки и их нынешнее распространение с попыткой реконструировать их распространение в прошлом и/или контакты между различными народами. Антрополог мог сконцентрироваться на анализе материальных остатков доисторических народов, включая как орудия труда и украшения, так другие свидетельства того, как и где жили люди в глубокой древности. Или, наконец, антрополог мог исследовать эволюционную историю человека – его прошлое и настоящее, физическую и физиологическую природу. Такое исследование подразумевало и сравнительный анатомический анализ с другими приматами и, в некоторых случаях с другими млекопитающими. Как уже обсуждалось, этнография и археология, выделились в отдельные науки довольно рано. Несмотря на позиционирование их в пуле единой антропологической науки (как это сохранилось в США до сегодняшнего дня), мы не можем отрицать наличие различных специфических методологических подходов и материалов исследования в этих отраслях знаний. Собственно, и та часть лингвистики, что активно используется для решения задач антропологии и археологии доисторического периода – тоже отдельный раздел другой науки. Видимо, самостоятельное развитие методологии в изучении других объектов исследования стало той преградой, которое не позволило сохранить эти науки в единой дисциплине. Однако здесь следует помнить, что ни одна грань человека, будь то физическая, со-

циальная, лингвистическая или археологическая, никогда не может быть полностью и точно проанализирована отдельно от целого. Контекст является важным элементом антропологического исследования, и в этом междисциплинарность антропологического знания. Уже в первом публичном выступлении в Московском университете о целях и задачах антропологии в 1876 году А.П. Богданов указывал, что антропология неразрывно связана с другими биологическими науками и вместе с тем самым тесным образом соприкасается с науками общественными.

Во-вторых, сам объект исследования диктует антропологу научные границы. На первоначальном этапе – это были, главным образом, отдельные сюжеты по разнообразию современного и ископаемого человека, морфологические аспекты изучения variability пропорций тела у различных народов, эволюционные аспекты происхождения вида, которые решались посредством сравнительного анализа морфологических показателей останков гоминид. Науки такого типа в эпистемологии классифицируются как таксономические (как ботаника, ихтиология, энтомология, орнитология и другие разделы биологии, исследовательскую основу которых составляют разного рода классификации).

К середине XX столетия и, в особенности, после Второй мировой войны, антропология (как и многие другие академические дисциплины) переживает период переосмысления и наполнения новыми методиками, позволяющими оценивать физиологические и морфологические показатели на популяционном уровне. Границы молодой науки существенно расширяются, так как это не только приток новых методик оценки признаков, но и введение в оборот новых данных, касающихся природы человека. Напомним о масштабных экологических исследованиях в нашей стране под руководством Т.И. Алексеевой и ее разработке концепции адаптивных типов; о появлении емкого раздела, посвященного вопросам возрастной антропологии (и тут не только аспекты биологического возраста в целом, но и отдельное самостоятельное направление по ауксологии – о росте и развитии человека); широкая доступность фотографического метода порождает в Англии уникальную методику обобщенного портрета, которая активно подхватывается и успешно

разрабатывается советской школой (И.В. Перевозчиков и его ученики); получает новое наполнение этология за счет возможности анализа поведения приматов в естественной среде обитания (накопление такого пула знаний неизбежно приводит к внедрению этой методологии в изучение собственно человеческих популяций, что добавляет оригинальные данные для развития эволюционной антропологии). Уже в 1970-1985-е гг. становится нормой анализ географической изменчивости не только групп крови, но и ее белков; начинается эпоха генетического знания.

На первый взгляд кажется, что наполнение и границы антропологии второй половины XX века значительно отличаются от той, которая столетие назад была заявлена французской школой как новая дисциплина. Однако это далеко не так. В целом сохраняются все те же актуальные задачи, но антропология, пережив типологический подход, вслед за другими науками о жизни, переходит на существенно другой уровень, рассматривая в качестве объекта исследования не отдельного человека, а популяцию (группу людей), которая является основной эволюционирующей единицей.

Для обсуждения научных направлений мировой антропологии того периода можно заглянуть в один из юбилейных сборников середины 70-х годов прошлого века – «Bevölkerungsbiologie: Beiträge zur Struktur und Dynamik menschlicher Populationen in anthropologischer Sicht» под редакцией W. Bernhard and A. Kandler (Популяционная биология: вклад в структуру и динамику человеческих популяций с антропологической точки зрения). Выбор этого примера не случаен. Сборник посвящен 65-летнему юбилею немецкого антрополога Илзе Швидецки, которая своим творчеством объединяет восток и запад Европы. Она долгие годы была не просто преемником, но и хранителем немецкой школы антропологии и ее традиций. Вслед за французской школой, которая была основоположником антропологии, немецкая школа вплоть до Второй мировой войны была ее сердцем. Во-первых, это знаменитый труд Р. Мартина, который увидел свет незадолго до начала Первой мировой войны, став ключевым методическим инструментом всех антропологов в мире. Во-вторых, это мировой вклад в развитие эволюционной антропологии результатов трудов таких немецких уче-

ных, как Г. Швальбе, системно описавшего черепа неандертальцев из Неандертала и Ла Шапелль-о-Сен; Г. Клаача, который в числе многих заслуг раскопал и реконструировал череп из Ле Мустье; О. Шотензака, описавшего знаменитую и ключевую для современной классификации гейдельбергскую нижнюю челюсть; а также В. Оппенурса, который в 1930-е годы продолжил раскопки в Нгандонге на реке Соло на Яве и описал найденные там черепа в качестве отдельного таксона гоминид (*Homo erectus soloensis*). Нельзя не упомянуть Г. Кёнигсвальда, описавшего в числе других своих открытий гигантопитека (*Gigantopithecus blacki*), а также труды Ф. Вейденрейха, подробно описавшего находки из Чжоукоудяня и Нгандонга, а также черепа из Кейлор. И, наконец, немецкие работы в области расоведения. Это труды Ф. Вейденрейха, выдвинувшего концепцию полицентризма с четырьмя центрами формирования современных рас. И выдающиеся работы по расоведению в лице Эгона фон Эйкштедта, который задолго до Второй мировой войны уже публиковал ключевые работы по расоведению и продолжил это вплоть до своей смерти в середине 1960-х годов. Э. Эйкштедт был одним из первых, кто профессионально применил географический метод в оценке распространения рас. Его единственный достойный научный соперник в этой области в те годы в Европе – это итальянец Р. Биасутти, который в начале 1950-х годов опубликовал свой труд о человеческих расах. С точки зрения современной науки – это типичные работы своего времени, полагающиеся больше на интуицию и энциклопедический опыт исследователей, чем на строгий математический аппарат. Многие признаки, используемые в построении классификаций – это результат умозаключения, а не строгого научного исследования. Расовые классификации можно трактовать по-разному, достаточно только задаться определенной целью. И такой пример в истории немецкой науки у нас перед глазами (вспомним печальное наследие Х. Гюнтера о неравноценности рас). В годы Второй мировой войны немецкие антропологи сильно скомпрометировали себя, пойдя на поводу расистских политических убеждений нацистского режима, что фатальным образом остановило развитие европейской антропологии на долгие годы. Э. Эйкштедт не запятнал себя сотрудничеством с нацистами.

Более того, в годы развития нацизма в Германии он активно продвигал свои азиатские экспедиции, где, собственно, и пришел ко многим значимым открытиям в расоведении¹. Примечательно, что ученики Э. Эйкштедта были в авангарде мирового движения подрыва типологического подхода в расоведении и создания популяционного, основанного на методах генетики [Hunt, 1958]. Э. Эйкштедт после долгих мытарств в поисках работы в 1944-1945 годах и высылки в 1946 г. советскими представителями в Германии из Лейпцига, обосновался в университете в Майнце, где антропология не была под запретом². Вместе со своей ученицей Илзе Швидецки он стал обустраивать новый университетский Институт антропологии³. После его ухода на пенсию

¹ Э. Эйкштедт писал свою диссертацию под руководством известного антрополога Феликса фон Лушана. Во время Первой мировой войны Ф. Лушан работал экспертом по этнологии в составе комиссии, которая по поручению прусского Министерства Культуры в 1915-1918 гг. проводила лингвистические и музыкальные исследования в немецких лагерях военнопленных. Ф. Лушан направил туда группу начинающих антропологов, в состав которой входил и Э. Эйкштедт, где молодые учёные должны были провести стандартную программу измерений тела у индийских и африканских заключенных. Это стало началом исследовательского интереса азиатских популяций у Э. Эйкштедта. В печальные для Германии годы нацизма Э. Эйкштедт находился за пределами Европы. В конце 1930-х он организовал свою вторую Азиатскую экспедицию (Индия, Китай, Филиппины, Малайзия и Индонезия). Именно в этот период перед началом Второй мировой войны он начинает обширную работу по пересмотру расовой теории, которая в конечном итоге завершилась его знаменитой монографией, посвящённой расоведению и расовой истории человечества. По возвращению в Европу, в университет Бреслау, где он работал до начала войны, ему не нашлось места для развития идей расовой классификации. Он был вынужден вместе с больной женой несколько лет скитаться по разным университетам в поисках работы в должности антрополога.

² Замечу, что сегодня физическую антропологию преподают в трех университетах Германии в качестве подготовки бакалавров по специальности «антропология» наряду с этнографией и культурологией (в Тюбингене, Фрайбурге и Майнце). Студенты, выполняющие дипломную работу в области физической антропологии, получают научную степень (Bachelor of Science), а в области этнографии или культурологии – степень бакалавра искусств (Bachelor of Arts). В 1970-1990 годы такое образование можно было получить в гораздо большем числе университетов Германии.

³ Будучи в начале 2011 г. в Институте антропологии в Майнце, я непрерывно ловила себя на том, что ощущаю себя как дома. Очень похожая на наш университетский Институт антропологии система обустройства и члене-

в 1961 г., Илзе Швидецки оказалась достойной преемницей. Она возглавила Институт и стала одной из самых влиятельных фигур в европейской антропологии. Ее учебник (1950 г.) стоял на водоразделе разных методологий: типологического подхода на раннем этапе развития и сформированного после Второй мировой войны нового популяционного подхода. В последующие годы ее ученики заняли важные позиции в физической антропологии от Исландии до Индии. В результате поколение спустя после Второй мировой войны Старый Свет сумел восстановить статус-кво в антропологии, расширив диапазон и глубину исследований к началу 1970-х [Hunt, 1974].

В этом юбилейном издании (около 50 статей) приняли участие не только ученики, но и близкие коллеги Илзе Швидецки. Его авторы происходят из шестнадцати стран, расположенных на четырех континентах. Диапазон затронутых тем – это, по сути, границы антропологии нового популяционного этапа развития.

Сборник начинается с работ, посвященных аспектам генетики и демографии. В.П. Чопра предлагает введение в актуальные вопросы генетики человека об эффективной численности популяции, о расчете матримониальных радиусов, оценке миграций и анализу кровного родства. Статья, написанная Наполеоном Волянским⁴, посвящена проблеме гетерозиса у человека. На примере польских популяций он, используя методы антропометрии и оценки роста и развития детей, пы-

ния на лаборатории способствовали этому. Домашняя обстановка с общими чаепитиями руководителей и подчиненных, научные дискуссии и обсуждение работ молодых исследователей, регулярные встречи на институтском семинаре позволяли сотрудникам обмениваться идеями и апробировать свои результаты в наилучших условиях. Один из старейших сотрудников, с которым я поделилась своими наблюдениями, сказал, что эти традиции были заложены их директором Илзе Швидецки.

⁴ Наполеона Волянского не стало в марте 2022 года. Выдающийся антрополог своего времени, который активно продвигал нашу науку не только у себя на родине в Польше, но и в других странах мира. Он был давним другом и коллегой моих учителей, часто бывал в Москве. На конференциях отличался искренним интересом и доброжелательностью к трудам молодых исследователей, нередко выдвигал смелые идеи, не боясь скомпрометировать себя в глазах коллег. В моей памяти он остался еще и человеком с большим чувством юмора, который как-то органично становился эпицентром общего внимания, всегда находил галантные слова для каждой присутствующей дамы.

тается показать наличие такого эффекта, в то время как американские исследователи не подтвердили его наличие в смешанных гавайских выборах. Дж. Немешкери (хорошо известный российским антропологам благодаря монографии, написанной в соавторстве с Г. Ачади по вопросам продолжительности жизни и смертности в древности) в этом издании публикует результаты по исторической демографии на примере одной из венгерских деревень в промежутке с XVI по XIX век. Он реконструирует брачные связи и показывает влияние фактора изоляции на состав популяции на примере этой деревни, что является скорее исключением, чем правилом для Венгрии того периода.

Х. Флейшхакер представил результаты изучения метисов в Сальвадоре. Он обнаружил, что метисы с «наиболее индейскими чертами лица» склонны сохранять первую группу крови (O). Свой результат он объясняет предположением, что индейцы Сальвадора представляют осколок большой популяции Центральной Америки, где, возможно, максимально преобладала именно эта группа крови. Следующая статья Х. Уолтера представляет результаты приспособленности человека к холоду, жаре и высоте. В качестве анализируемых показателей к экстремальным факторам среды используются длина тела, особенности телосложения, цвет кожи и носовой указатель, а также 24 физиологических признака (в числе которых показатели крови, мочи и сердечно-сосудистой системы).

А. Тома представляет новые данные в давно изучаемой проблеме отбора по локусам групп крови (системы ABO). Это несовместимость матери-плода, а также новый для антропологии аспект, связанный с полиморфизмом аллелей сывороточной щелочной фосфатазы. Он показывает разные механизмы давления отбора в европейских и африканских популяциях, демонстрируя статистически достоверные результаты на примере северных популяций Европы. Заключительная статья раздела, написанная М. Кристеску, представляет результаты о динамике изменчивости возраста менархе в румынских популяциях. Выясняется, что этот показатель снижается с течением времени.

В другом разделе шесть статей посвящены антропометрии и дерматоглифике в контек-

сте этнической антропологии. Это статья Р. Кнуссмана и Ф.У. Розинга (сына И. Швидецки), которые тестируют правило Бергмана-Аллена на популяциях Юго-Западной Африки. Используя систему функций расстояния Пенроуза, они показывают, что из исследованных 16 племенных групп некоторые выборки более сходны с бушменами и готтентотами, чем с соседними группами. Статья В. Бернхарда посвящена сходной проблеме, только на примере индусов. Статья Й. Палссона представляет результаты анализа антропометрических показателей и пигментации аборигенного населения Исландии. Он убедительно представляет т.н. эффект основателя, когда популяции западной и восточной части Исландии более чем за тысячелетний период заселения британцами, ирландцами (восточная часть) и норвежцами, датчанами (западная часть) сохранили физические этнические особенности. Статья болгарских исследователей Л. Цачевой, Ю. Йорданова и Ст. Мутафова посвящена анализу сохранности монголоидных признаков у мигрантного населения татар, которые пришли в северо-восточную Болгарию несколько веков назад и имели возможность смешиваться с местным населением. Раздел завершают две статьи по дерматоглифике. Первая статья М. Венингера и Г. Ротенбухнера посвящена дерматоглифике греков, а вторая, написанная С. Эрхардт, обсуждает дерматоглифические признаки кисти у немецких цыган. Интересно отметить, что немецкие цыгане с одной стороны демонстрируют сходство с некоторыми индийскими группами, а с другой – отражают локальные различия европейских цыган.

Следующий раздел посвящен анализу влияния социальных факторов на физические особенности и антропологические показатели. Этот раздел открывает довольно философская работа Г. Юргенса. За ней следует статья Ж. Оливье, известного французского антрополога. Он сравнивает антропометрические показатели у сельского и мигрантного городского населения в некоторых регионах Франции. Р.Л. Кикет в своей статье анализирует стратегии контроля рождаемости в семьях фламандцев и валлонов разных социальных слоев. Две языковые группы внутри единого бельгийского государства демонстрируют совершенно разные модели. Этот

раздел завершает всесторонний обзор индийских исследователей М. Р. Чакравартти и Р. Чакравартти, которые получили интересные результаты по оценке уровня рождаемости в семьях мусульман, индусов и христиан в Индии.

За этими разделами начинаются главы, посвященные исследованию ископаемых групп. Они посвящены разным аспектам палеодемографии, палеоантропологии и палеопатологии. Статья Г. Смолла представляет результаты анализа флуктуации численности населения на одном из поселений с течением времени при помощи оценки плотности застроек и числа ископаемых останков. В статье Г. Курта представлена динамика изменчивости показателей среднего возраста смерти и других демографических характеристик от палеолита до современности.

Л. Выгнанек предлагает краткий обзор результатов рентгенодиагностики и необходимости внедрять этот метод в палеоантропологию, так как это один из важных не разрушающих объекты методов, и позволяющих изучать внутреннюю структуру костей. Статья известного американского палеопатолога Дж.Л. Энджела (создавшего Американскую школу палеопатологии в Греции) посвящена анализу связи продолжительности жизни и состояния зубной системы. Он рассуждает, что бабуины умирают в возрасте, когда их зубы изнашиваются (корреляция очень высока), а у людей нет такой прямой ассоциации. В статье Дж. Комас представлен обзор трепанаций в доисторические времена в Старом и Новом Свете. Он предполагает, что этот вид операции мог неоднократно изобретаться параллельно в обоих полушариях планеты.

Г. Келлерманн представляет пионерскую работу, используя биохимический анализ для оценки групп крови на скелетных образцах из склепов XIV-XVII вв. Рейнской области. Он показывает преобладание индивидуумов с третьей группой крови (B), что, по его мнению, может быть следствием отбора после пандемий оспы и чумы в средневековой Европе.

Палеоантропология представлена ведущими краниологами Европы. Статья В.П. Алексеева открывает этот раздел. В ней анализируются 14 африканских краниологических выборок. М. Стлоукал, используя черепные и лицевые указатели, анализирует моравские выборки от

эпохи неолита до позднего бронзового века. В статье Г. Асмуса представлены результаты сравнительного анализа для оценки эволюции черепа человека от неолита до бронзы на примере выборок Центральной Европы. Т.И. Алексеева показывает, что нет достоверных отличий в средневековых краниологических сериях германцев и славян. Статья К.Х. Рот-Лутра представляет результаты анализа 71 черепной серии раннего и позднего средневековья в Центральной и Западной Европе, убедительно демонстрируя заметные хронологические сдвиги в показателях и клинальную изменчивость. На примере краниологического анализа 1,5 тыс. черепов эпохи Первой мировой войны болгарские исследователи Д. Каданов, Ст. Мутафов и С. Торнева-Ранделова описывают региональные вариации. Две последующие статьи фокусируются на проблеме брахицефализации у современных европейцев. А. Верцинский охватывает исследованием весь континент, а О. Некрасов сосредотачивается только на популяциях из Румынии.

Хочется обратить внимание на череду статей, посвященных эволюционным аспектам. В работе Ф. Твиссельманна представлены интересные результаты анализа поперечной формы диафиза бедренной кости, начиная с плейстоценовых находок. Г. Хеммер рассматривает вероятную продолжительность развития мозга в ювенильный период как у ископаемых, так и у современных приматов. Он приходит к выводу, что чем больше мозг по отношению к массе тела у примата, тем дольше период его развития. Р. Рике сравнивает морфологию наружной поверхности височной кости у неандертальца и современного человека. Э. Влчек описывает кости конечностей младенца-неандертальца из Киик-Кобы. Он считает, что уже в столь раннем возрасте можно найти специфические для таксона признаки.

Следующие статьи выделяются тем, что, используя антропологический и археологический источники, специалисты реконструируют поведение и образ жизни в древности. Э. Граф представляет обзор в виде основных результатов его исследований в области эволюции поведения позвоночных. Х. Хофер публикует статью об эволюции человеческого поведения, включая

анализ языка тела и информацию о выражениях лица. Г. Кенигсвальд приводит интересные результаты сравнительного анализа зубов ископаемых орангутанов Южного Китая и Центральной Суматры и австралопитековых. Среди остатков орангутанов практически не обнаруживаются молочные зубы, в то время как среди находок австралопитековых молочные зубы широко представлены. Исследователь приходит к заключению, что у австралопитековых дети относительно дольше были в зависимости от матери, чем у орангутанов, что делало их менее жизнеспособными. У. Шефер описывает внутренние пещеры Франции и Германии, где были обнаружены следы пребывания неандертальцев. Он показывает, что неандертальские группы предпочитали неглубокие, солнечные пещеры с природной вентиляцией и в несколько минут ходьбы от естественных источников воды. Последнее обстоятельство давало возможность не только наличия постоянного источника воды, но и было местом отлова животных, приходивших на водопой.

Последний раздел объединяет статьи, посвященные современным аспектам прогноза в антропологии. В. Фурманн приводит статистику по увеличению частоты некоторых патологий у современного человека (дальтонизма, близорукости и хондродистрофии), нарастанию числа приобретенного диабета и различных рецессивных заболеваний. Как и многие другие исследователи, автор призывает к более глубокому пониманию рисков для нашего вида от химических мутагенов. Статья Ф. Фогеля предлагает подумать о некоторых аспектах генетики поведения человека будущего. В. Мюльманн завершает раздел и сборник трудов размышлениями о демографическом будущем, сравнивая этот процесс с автомобилем, мчащимся в тумане к стене.

Этот коллективный труд показывает, как антропология расширяет диапазон исследовательских границ науки, опираясь, прежде всего, на популяционный подход. Помимо традиционных методик, появляются работы, использующие новые технологии, например, анализ групп крови на ископаемых образцах. Появляется целый раздел т. н. синтетических или междисциплинарных работ, когда антропология выступает

как источник для решения вопросов реконструкции поведения и образа жизни древних популяций. Отрадно, что в нашей стране к середине 1970-х все эти научные направления тоже представлены трудами антропологов как РФ, так и союзных республик. И в тоже время, отечественный читатель, думаю, обратил внимание, что в книге нет ни одной работы, посвященной вопросам расоведения. Поскольку причина такого отношения нам уже понятна, обращаю внимание, что в год выхода юбилейного сборника в честь И. Швидецки, у нас в стране выходит «География человеческих рас» В.П. Алексеева, в которой на новом популяционном уровне обсуждаются различные факторы расообразования. Эта работа, возможно, одна из последних, где так обстоятельно и масштабно обсуждаются аспекты изменчивости вида *Homo sapiens*.

Дифференциация антропологии

Со времен Д.Н. Анучина основные разделы антропологии практически не менялись. В первом советском учебнике по антропологии указывается пять разделов: 1) антропогенез; 2) мерология; 3) соматология; 4) антропогенетика; и 5) расоведение. Мерология (второе направление по определению авторов учебника) – это в современном понятии «антропометрия» (исследователи отсылают нас к методикам Брока и Мартина) [Бунак, Нестурх, Рогинский, 1941. С.12]. Под антропогенетикой предполагается изучение внешних и внутренних факторов изменчивости и наследственной природы признаков. Остальные направления в своих определениях не отличаются от тех, что мы видим в последующих учебниках антропологии, где уже выделяют три основных раздела: 1) морфологию, 2) антропогенез и 3) расоведение или этническую антропологию [Рогинский, Левин, 1978]. По сути, опираясь на методологию этих направлений, все три раздела смело могут войти в один – морфологию человека. Но антропологи с самого начала выделили эти направления, так как они отличаются исследовательскими целями. Если раздел морфологии разрешает вопросы, связанные с индивидуальной изменчивостью современных популяций, возрастными изменениями, половым диморфизмом и анализом

особенностей физической организации человека под воздействием различных факторов среды⁵, то раздел антропогенеза сосредоточивает свое внимание на сходных задачах, изучая останки предков человека, а затем и самого человека. Иначе говоря, это морфология человека и его предшественников, рассматриваемая во времени⁶. Раздел расоведения, посвященный изучению сходств и различий между расами человека, может по аналогии с разделом антропогенеза быть назван морфологией, рассматриваемой в пространстве⁷. Все три раздела объединены не только использованием морфологического метода, но и обязательным присутствием географического подхода. Этот дуализм особенно актуален в отечественной антропологии. Важное место ему уделял Д.Н. Анучин – основоположник географии в нашей стране.

Безусловно, есть причины, которые требовали выделить эти направления как обособленные исследовательские области. Для антропогенеза важное место занимают вопросы происхождения человека; для расоведения в контексте получаемых классификаций необходимо исследование истории возникновения обособляющих морфофизиологических комплексов в виде рас; для морфологии существенна оценка связи и закономерностей изменчивости признаков с факторами, которые могли этому способствовать в определенных условиях среды в прошлом и настоящем.

В 1970-е годы появляются новые научные направления, которые вычлняются или за счет расширения исследовательской методики, и/или за счет уточнения научной задачи. Так, в первом случае появляются разделы молекулярной, генетической, демографической и физиологической антропологии, во втором – медицинской, экологической и возрастной (в т.ч. ауксологии). Внутри крупных разделов (антропогенеза, мор-

фологии и расоведения) выделяются отдельные области. Благодаря Г.Ф. Дебецу в советской школе (и других странах, где это школа практиковалась) динамично развивается палеоантропология, которая отвечает задачам этногенеза и расоведения. В зарубежной науке это направление остается в своих прежних рамках антропогенеза. Тоже самое происходит с одонтологией. Благодаря огромному вкладу А.А. Зубова появляется этническая одонтология, которая успешно работает при анализе аспектов изменчивости не только ископаемых, но и современных популяций. Т.И. Алексеева развивает концепцию адаптивных типов, усложняя методологический аппарат экологической антропологии. Уже упоминался исключительный вклад В.П. Алексеева в развитие расоведения, его труды подняли уровень этого раздела с переходом от типологического к популяционному подходу. Отдельно следует упомянуть вклад Ю.Г. Рычкова в появление популяционной генетики человека в нашей стране, и мощное развитие этого направления силами его учеников (прежде всего это Е.В. Балановская, О.Л. Курбатова, В.А. Спицын и О.В. Жукова). Особенностью отечественной школы является изучение генофонда популяций в экологическом аспекте адаптации населения к природным и социальным факторам среды. Мне представляется, что значение вклада этого направления в развитие современных аспектов антропологии еще не оценено в полной мере и требует отдельной публикации. Как видим, вклад в развитие антропологии наших отечественных ученых на этом этапе очевиден. Неудивительно, что на огромной территории многонационального СССР особый акцент появляется в развитии расоведения или этнической антропологии.

Антропология как у нас в стране, так и за рубежом смотрится как единая и целостная наука. Единственное, что к ней предъявляется философами и исследователями развития академических отраслей знаний – это отсутствие очевидной собственной теоретической базы. Но, закрывая эту тему для дальнейшего обсуждения, обращаю внимание, что это эпоха острой дискуссии формирования синтетической теории в биологических науках, которая поднималась известными учеными неоднократно (очень хо-

⁵ В этот раздел могут быть включены разные аспекты прикладной антропологии (эргономики, спортивной, медицинской и других).

⁶ В этот раздел включались и довольно «старые» направления по этологии человека и приматов, по одонтологии и палеопатологии, по палеодемографии и реконструкции лица по черепу.

⁷ В это раздел к 1970-м включалась демография и генетика, а также этническая одонтология.

чется напомнить наряду с известным вкладом В.И. Вернадского, труды наших биологов МГУ – Б.М. Медникова и Н.А. Заренкова). Собственно, многие науки о жизни так и остались в разряде таксономических, а не фундаментальных наук.

К 1980-1990 годам антропология все еще преподается на отдельных кафедрах разных университетов мира. Это период переосмысления научно-педагогического наполнения лекций и пополнения образовательной программы новыми разделами. По инициативе итальянских антропологов, этот вопрос обсуждается в рамках Европейской ассоциации антропологов, которая вскоре выпускает специальный документ с рекомендациями для преподавания и подготовки антропологов в университетах. Выделяется уже шесть основных направлений развития науки: эволюция и филогения; структура современного населения; взаимодействие человека с окружающей средой; генетика человека; биология человека и социология человека, которая сконцентрирована на эволюционных основах поведения человека [Бужилова, Негашева, Сухова, 2019].

В 1990-е годы в мировой антропологии продолжается расширение исследовательского поля и начинается эра формирования, как мне представляется, смежных научных направлений, которые отличаются активным внедрением новых технологий и новаций. Появляется палеоэкология, которая пополняется арсеналом современных физических и биохимических методов (по мнению В.П. Алексеева – это не только изучение останков, но и анализ растительного и животного мира). Значительно увеличивается пул работ по палеопатологии с выделением исследовательской области «биоархеология» (в конце 1970-х это направление предложила американский антрополог Джейн Байкстра). С развитием компьютерной эры в антропологии появляется математическое моделирование; находит свое место и метод компьютерной томографии с 3D визуализацией объектов. Буквально десять лет спустя – начинается время широкого применения методов генетики в анализе палеоматериалов. Конечно, это направление возникает не вдруг. В науке еще в 1963 году генетик Эмиль Цукеркандль и физический химик Линус Карл Полинг ввели термин «палеогенетика» в связи с изучением возможных применений в рекон-

струкции полипептидных последовательностей ископаемых животных и растений. В 1985 году Сванте Паабо впервые в истории успешно (как тогда думали) извлёк из мумий генетический материал. Именно этот раздел (который в первое десятилетие 2000-х ведущие журналы относили то к генетике, то к антропологии) развивается сейчас самым активным образом. Как известно, в 2010 году Сванте Паабо и его коллеги опубликованы в журнале «Science» первые результаты расшифровки генома неандертальца и во второй публикации – результаты экстракции мт-ДНК неизвестного гоминаина (денисовца). Уже к 2016 году опубликована череда статей с результатами сравнительного анализа геномов почти 2000 современных людей, геномов неандертальцев и нескольких денисовцев, и сделан вывод, что было не менее трёх эпизодов скрещивания между неандертальцами и различными группами человека разумного в Европе, между неандертальцами и денисовцами на Алтае, а также между разными по составу генофонда (не менее двух) денисовцами и разными популяциями сапиенсов в Юго-Восточной Азии. В последние пять лет палеогенетика делает большие успехи в анализе филогении и распространении различных инфекционных возбудителей в древних популяциях человека. Как и в случае с популяционной генетикой человека, анализ результатов и вклада палеогенетики в развитие основных концепций антропологии – это тема отдельной публикации. Здесь же важно уточнить, что появление этой области не следует рассматривать как дробление антропологической науки, а наоборот, как расширение ее инструментария для решения традиционных задач антропологии. Мне представляется важным обратить внимание на то, что такой подход традиционно используется в поле антропогенеза – раздела априори требующего участия специалистов разных разделов наук. Сегодня это становится насущностью и других разделов антропологии. Необходимо участие специалистов и инструментария смежных наук для решения задач современной морфологии и этнической антропологии. Такой «союз» разных специалистов дает безграничные возможности для решения фундаментальных вопросов, поставленных в антропологии. Мне представляется, что мы живем в эпоху станов-

ления следующего – междисциплинарного этапа развития антропологии, т.е. ее интеграции, а не дробления. Мне кажется, что важным шагом для междисциплинарного развития нашей науки является не отторжение молодых смежных дисциплин, а активное их принятие и совместное обсуждение результатов их работ. Многое зависит от антропологов, склоны ли мы «отдать» решение традиционных вопросов антропологии в руки представителей других наук, или наоборот, предложить свой опыт и знания в совместном решении поставленных почти два века назад научных задач.

Заключение

Для антропологии характерно взаимопроникновение идей и методов различных естественнонаучных и гуманитарных дисциплин. Так было с самого начала формирования этой дисциплины. К счастью, в современной антропологии человек изучается как биосоциальный феномен, так как проявления его биологической природы во многом опосредованы социальной средой обитания. Как писали наши выдающиеся антропологи Е.Н. Хрисанфова и И.В. Перевозчиков «Сущность антропологического подхода к комплексным междисциплинарным проблемам *Homo sapiens* выражается в концепции множественности «норм», вытекающей из высокого уровня внутри- и межпопуляционной изменчивости (полиморфизма) человека как биологического вида» [Хрисанфова, Перевозчиков, 2005. С. 7]. Опираясь на это определение, мы возвращаемся к аксиоме о целостности науки о человеке. Она должна своими целями и задачами объединять разные смежные дисциплины для успешного решения главной цели антропологии – интеграции изучения различных граней природы человека. Мне кажется симптоматичным, что мировая антропология наконец-то решилась на важный шаг в своем переосмыслении, и с 2022 года наша наука официально именуется «биоло-

гической антропологией». Это название более ёмко передает наполнение современной науки, ее методологию и арсенал современных методик. Объединительным элементом антропологии может стать уже следующий этап ее развития – формирование истинной междисциплинарности нашей отрасли знаний. Безусловно, для это требуется формирования серьезной теоретической базы для антропологической науки.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках темы НИР «Антропология евразийских популяций (биологические аспекты)» (АААА-А19-119013090163-2).

Библиография

Анучин Д.Н. Беглый взгляд на прошлое антропологии и на её задачи в России // Русский антропологический журнал. 1900. №1. С. 25-42.

Бужилова А.П. Становление антропологии в Московском университете (к 90-летию Института антропологии МГУ) // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология, 2013. №1. С. 4-18.

Бужилова А.П., Негашева М.А., Сухова А.В. Кафедре антропологии МГУ – 100 лет (этапы становления и развития профессионального образования) // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология, 2019. № 3. С. 101-127. DOI: 10.32521/2074-8132.2019.3.101-127.

Бунак В.В., Нестурх М.Ф., Рогинский Я.Я. Антропология. Краткий курс: Учебное пособие для университетов. Под редакцией В.В. Бунака. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство НАРКОМПРОСа РСФСР, 1941. 376 с.

Рогинский Я.Я., Левин М.Г. Антропология. М.: Высшая школа, 1978. 528 с.

Хрисанфова Е.Н. Перевозчиков И.В. Антропология: учебник. 4-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та: Наука, 2005. 400 с.

Сведения об авторе

Бужилова Александра Петровна, д.и.н., академик РАН;
ORCID ID: 0000-0001-6398-2177;
e-mail: albu_pa@mail.ru.

Поступила в редакцию 15.06.2022,
принята к публикации 24.06.2022.

Buzhilova A.P.

*Lomonosov Moscow State University,
Anuchin Research Institute and Museum of Anthropology,
Mokhovaya st., 11, Moscow, 125009, Russia*

ANTHROPOLOGY IN THE FOCUS OF SOCIAL TIME. PART 2. DEVELOPMENT AND DIFFERENTIATION OF SCIENCE

A series of articles is devoted to the analysis of the formation and transformation of anthropology as an academic science. The study uses a scale of social time, which makes it possible to assess the reasons for the transformation of anthropology depending on social events that form the challenges of society in different countries.

The article analyzes the epochs of the development of anthropology and its main directions and approaches. Particular attention is paid to the stage of formation of the population approach in science, which became relevant by the early 1970s. In addition, an analysis of the development of anthropology over the past thirty years is given. During this period, anthropology is characterized by the widespread introduction of related disciplines that are aimed at solving the traditional problems of anthropology. This phenomenon is discussed in the context of the natural process of science differentiation. According to the author, in order to preserve the integrity of anthropology, there is a universal way to follow the main goal of anthropology - the integration of the study of different facets of human nature. In order to introduce interdisciplinarity into the subsequent stage of development of anthropological science, it will be necessary to form the theoretical basis of science.

Keywords: history of science; anthropology; development and differentiation of physical anthropology; modern aspects of anthropology

References

Anuchin D.N. Beglyy vzglyad na proshloe antropologii i na eye zadachi v Rossii [A cursory look at the past of anthropology and its tasks in Russia]. *Russkij antropologicheskij zhurnal* [Russian Anthropological Journal], 1900, 1, pp. 25–42. (In Russ.).

Buzhilova A.P. Anthropology at the Moscow University (to the 90 anniversary of Institute of Anthropology of the Moscow State University) *Moscow University Anthropology Bulletin* [Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya], 2013, 3, pp. 4–18. (In Russ.).

Buzhilova A.P., Negasheva M.A., Suhova A.V. Kafedre antropologii MGU – 100 let (etapy stanovleniya i razvitiya professional'nogo obrazovaniya) [Department of Anthropology, Moscow State University – 100 years (stages of formation and development vocational education)]. *Moscow University Anthropology Bulletin* [Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya], 2019, 3, pp. 101–127. DOI: 10.32521/2074-8132.2019.3.101-127. (In Russ.).

Bunak V.V., Nesturkh M.F., Roginsky Y.Y. *Antropologiya. Kratkiy kurs: Uchebnoe posobie dlya universitetov* [Anthropology. Short course: textbook for universities]. Bunak V.V. ed. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1941. 376 p. (In Russ.).

Roginsky Y.Y., Levin M.G. *Antropologiya* [Anthropology]. Moscow, Visshaya Shkola Publ., 1978. 528 p. (In Russ.).

Khrisanfova E.N., Perevozchikov I.V. *Antropologiya* [Anthropology]. 4th edition. Moscow, MSU Publ., Vysshaya Shkola Publ., 2005. 400 p. ISBN 5-02-010348-9. (In Russ.).

Bevölkerungsbiologie: Beiträge zur Struktur und Dynamik menschlicher Populationen in anthropologischer Sicht. Bernhard W. and Kandler A., eds. Stuttgart: Gustav Fischer, 1974. 730 p.

Hrdlička A. Physical anthropology: its scope and aims; its history and present status in America. *American Journal of Physical Anthropology*, 1918, 1 (1), pp. 3–23.

Hunt E. Anthropometry, Genetics and Racial History. *American Anthropologist*, 1958, 61. pp. 64–87.

Hunt E.E. Physical anthropology in Germany: Contemporary work. *Reviews in Anthropology*, 1976, 3, pp. 322–330.

Information about Author

*Buzhilova Alexandra P., DSci, Academician;
ORCID ID: 0000-0001-6398-2177; albu_pa@mail.ru.*